

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

О. Г. Барышникова, И. Ф. Жулев

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ОБЩИНЫ НА ФИЛИППИНАХ

Китайская иммиграция на Филиппинские острова до испанской колонизации

Вопрос о времени появления первых китайских поселенцев на Филиппинском архипелаге до сих пор остается неясным. Согласно Терену де Лакупери, китайцы знали о Филиппинских островах еще во II в. В китайских хрониках 628 и 636 гг. есть упоминания об архипелаге; в более поздних, относящихся к VIII в., рассказывается, как группа китайских мореходов отправилась на Филиппины (о сказочном богатстве которых китайцы не раз слышали) с целью отыскать золото. В хрониках Гуанчжоу¹ сообщается о посещении этого города в 982 г. филиппинскими торговцами; к этому же времени относят установление торговых отношений между Китаем и жителями Филиппинских островов [23, с. 185].

По данным Чэна (Ta Cheng), китайская иммиграция в Малайзию и на Филиппинские острова началась в VII в. (см. [44, с. 38—40]). Китайские торговые джонки посещали многие острова архипелага: Ма-и (совр. Миндоро), Сан-си, или Три острова (Висайские о-ва), Лю-сун (Лусон), Па-лао-ю (Палаван), Пу-ли-лу (Полильо) [16, с. 6]. Они доставляли не только товары, но иногда и иммигрантов².

Китайцы обычно обосновывались в Маниле и других хорошо им известных по торговым поездкам портовых поселениях. В XII—XIII вв. архипелаг Сулу стал основным центром торговли Филиппин с Китаем, Камбоджей, Индией и другими странами. Отсюда заморские купцы вывозили главное богатство архипелага — жемчуг. Китайский летописец в 1349 г. описывает жемчуг, привезенный китайскими купцами с архипелага Сулу, как один из лучших [10, с. 30—31]. В различных китайских хрониках появляются описания о-вов Миндоро, Висайских, По-

¹ В 976—983 гг. торговля в Гуанчжоу была государственной монополией, и потому о ней сохранились официальные отчеты [16, с. 6].

² О социально-экономических причинах широкой эмиграции населения из Китая см. [6], а также [34].

лильо, а также Восточного Лусона. Обширное описание Лусона содержалось в летописях Минской династии (1368—1644), в которых упоминается о прибытии в Китай в 1372 и 1408 гг. послов с о-ва Лусон. Согласно хроникам, Китай на короткий период даже установил своего рода суверенитет над Филиппинскими островами (см. [44, с. 38—40]). Степень этого суверенитета, по-видимому, ограничивалась подношениями китайским правителям прибывающими в Китай филиппинскими купцами. Китайские купцы, в свою очередь, одаривали правителей Манилы и других поселений, с которыми вели торговлю [16, с. XIV].

Все это говорит о том, что начиная с X в. между Китаем и многими из Филиппинских островов велась оживленная торговля. Установление регулярных торговых связей создавало условия для эмиграции из Китая на Филиппины, принявшей значительный размах еще до открытия островов испанцами.

Китайская община в период испанского господства (конец XVI—XIX в.)

В истории китайской общины на Филиппинах в испанское время можно выделить три периода.

Первый период продолжался почти два века (с конца XVI до середины XVIII в.), во время которого китайцы стали ведущей силой хозяйственной жизни колонии. Главным стимулом расширения китайской иммиграции на Филиппины в это время была так называемая галионная торговля — основной источник обогащения манильских испанцев. Китайский шелк, привозимый в Манилу из Китая, был важнейшим грузом испанских галионов, отправлявшихся из Манилы в Мексику. Галионная торговля привлекала китайских купцов в Манилу, и, несмотря на существенные разногласия между испанской администрацией и китайскими купцами, она служила их общим интересам. «Спрос в Мексике на китайский шелк, по существу, был безграничным, а аппетит китайских купцов на мексиканское серебро ненасытным», — отмечает американский историк Джон Фелан в работе «Испанизация Филиппин» [30, с. 11].

Колонизация Филиппин Испанией способствовала расширению китайской иммиграции на острова [29, с. 152]. Сразу же после завоевания Манилы в 1571 г. испанскими конкистадорами во главе с Мануэлем Легаспи китайское население стало быстро расти. В первые годы испанцы разрешали китайским купцам и ремесленникам селиться в любом месте города, но уже губернатор Гонсало Ронкильо (1580—1583) издал указ, по которому для китайского населения был отведен район вокруг так называемой алькасерии — «шелкового рынка» (жит. «париан») по берегам р. Пасиг. Здесь обосновывались на жительство купцы, открывая магазины с китайскими товарами, ремесленники,

портные, сапожники, пекари, серебряных дел мастера, аптекари и т. п. [37, с. 220]. По данным доминиканских монахов, в Париа́не (китайский квартал) в те годы проживало до 6—7 тыс. китайцев, из них 3—4 тыс. постоянно и свыше 2 тыс. ежегодно прибывали на время и уезжали обратно на китайских торговых судах [36]. Рабочий же люд, доставляемый китайскими купцами, — рыбаки, садовники, каменщики, обжигальщики кирпичей, плотники, жестянщики — жил выше по р. Пасиг, уже вне города. В письме губернатора Сантьяго де Вера (1584—1590) от 13 июля 1589 г. Филиппу II сообщается: «Торговля с Китаем продолжает расти. Около 4 тыс. человек прибывают на Филиппины ежегодно, включая купцов и ремесленников. Они селятся в алькасерии (Париане) и окрестных деревнях» [27, с. 89]. Китайские рабочие-иммигранты построили каменную Манилу [17, с. 228]; постепенно китайские переселенцы сосредотачивают в своих руках торговлю и ремесленные службы.

Испанская колониальная администрация, считая китайцев политически неблагонадежными, неприязненно относилась к религии, исповедуемой ими, мирилась с ними, так как китайцы выполняли важные экономические функции в основном для испанского населения Филиппин.

В начале 80-х годов XVI в. китайцы монополизировали всю оптовую торговлю. Значительная часть китайского населения занималась помимо торговли и ремесла (в них была занята основная масса китайских иммигрантов) сельским хозяйством. Иезуиты, широко эксплуатируя китайцев, вели на своих землях высокопродуктивные хозяйства [11, т. XII, с. 109; т. XIII, с. 36—38]. Быстрое экономическое возвышение китайцев и рост численности иммигрантов (их было в несколько раз больше, чем испанцев) не на шутку пугали испанские власти. Как контрмеры помимо дискриминационных налогов и запрещения заниматься определенными видами деятельности, а также ограничений передвижения по территории архипелага³, испанские губернаторы предпринимали временами «чистку Париана», основного центра торговой жизни: издавали указы о высылке «лишнего населения», оставляя только тех, которые выполняли наиболее важные для испанцев экономические функции. Так, уже через 25 лет после захвата Манилы, в 1597 г., губернатор Тельо (1596—1602) сообщает Филиппу II, что он приказал изгнать китайцев, за исключением 3—4 тыс. человек, необходимых для выполнения ряда хозяйственных функций. Париан сожжен, огромное количество имущества китайцев уничтожено [26, с. 42—43].

Указы о высылке китайцев с территории Филиппин неред-

³ В 1589 г. китайцам было запрещено заниматься розничной торговлей, в 1709 г. ограничивалось время пребывания приезжающих на Филиппины китайцев и т. п. [41, с. 32].

ко сопровождалась погромами. Наиболее жестокими были погромы 1603, 1639, 1662, 1686, 1744, 1755 и 1762 гг. [8, с. 342]. Притеснения, чинимые испанцами, часто вызывали восстания китайского населения. Так, восстание 9 октября 1603 г., начавшееся в Париане, быстро охватило все китайское население Манилы, а затем и других районов Филиппинских островов. Испанцы жестоко его подавили: китайский квартал был предан огню, 25 тыс. китайцев насильственно вывезено в горы в провинции Пампанга и там большинство из них уничтожены. Во время погрома 1639 г. за пять месяцев были убиты 22 тыс. китайцев [11, т. XII. Preface]. Самым кровавым в истории испанского правления на Филиппинах явился погром 1662 г. Ожидая нападения формозского правителя Коксинги на Манилу в 1662 г. [7], испанские власти сожгли Париан дотла, а многих его жителей убили.

Однако указы об изгнании китайцев из колонии строго не соблюдались, поскольку экономические интересы испанской колониальной администрации и китайских иммигрантов переплелись. Испанцы и китайцы, по выражению Дж. Фелана, «не могли существовать друг без друга» [30, с. 12]. В хозяйственном организме колонии китайцы были не только ремесленниками и торговцами, но, что наиболее существенно, обеспечивали Манилу продовольствием (в то время при натуральном хозяйстве с его чрезвычайно низкой производительностью значительный приток населения ложился тяжелым бременем на продовольственный баланс архипелага). Если китайские ремесленники в основном обслуживали испанцев и немногочисленное местное население Манилы и некоторых других городов (т. е. это был типичный городской тип ремесла), то торговцы постепенно проникали в провинции, устанавливая, правда, еще весьма непрочные рыночные связи, главным образом действующие в направлении Манила — хинтерланд и обратно (радиальное направление). Торговый капитал Париана быстро разрастался [17, с. 207]. Широкое использование труда китайских ремесленников и купеческого капитала испанскими колониальными властями отмечал американский историк Д. Бэрроуз [9, с. 155].

Численность китайцев в колонии регламентировалась прежде всего интересами испанских властей. В первой половине XVII в. проживало всего около 42 тыс. человек, из них в черте Интрамураса (испанская часть города) — 7350 человек, в Париане — 15 тыс. и в остальных районах — свыше 20 тыс. человек (местные жители)⁴. В 1635 г. в Париане было 20 тыс. китайцев и на других островах — еще 10 тыс. Испанские чинов-

⁴ Все население Филиппинских островов, находившееся под контролем испанцев, в этот период насчитывало, по приблизительным данным, 0,5 млн. человек и вне испанского влияния — около 1 млн. человек [11, т. XXIV, с. 309; т. XXVII, с. 82; т. XXIX, с. 69, 305; 30, с. 100, 106].

ники старались оправдать свои связи с китайцами, нежелательные в глазах церкви и короля. На это указывают их донесения в Мадрид (см., например, [28, т. XXV, с. 59])⁵.

С постепенным угасанием галионной торговли к середине XVIII в. меняется основа экономических отношений между испанскими колониальными властями и китайским купечеством: распадается звено, связывающее их интересы. Поэтому во втором периоде истории китайской общины на Филиппинах (середина XVIII — середина XIX в.) другие аспекты начинают преобладать и регулировать положение общины и ее взаимоотношения с испанцами. Расширяется негативная сторона политики испанской администрации в отношении китайского населения на архипелаге. Китайская община все более стала подвергаться дискриминации не только экономического, но и правового и религиозного характера. К середине XVIII в. сказались результаты неоднократных погромов и многочисленных высылки китайцев с Филиппин — началось постепенное свертывание хозяйственной деятельности китайцев. Вместо них начинают укреплять экономические позиции китайские метисы (так на Филиппинах называли потомков людей, родившихся от смешанных браков китайцев и местных жителей). К ним перешли снабжение населения Манилы продовольствием и скупка сельскохозяйственной продукции для отправки ее через Манилу на внешние рынки. Китайские метисы приобретали земли, занимались ростовщичеством, в их руках накапливалось значительное богатство. Их активизации на экономическом поприще также способствовала дискриминационная политика испанской администрации не только в отношении китайской общины, но и в отношении местного населения⁶.

Губернатор Педро Арандиа (1754—1759) после очередного погрома в Париане в 1755 г. и изгнания китайцев с Филиппин разрешил остаться в колонии только китайцам-христианам. Для них был отведен район Сан-Фернандо в Бинондо, на месте бывшего Париана [9, с. 203].

К 1766 г. большинство китайцев были изгнаны с архипелага. Для торговли и ремесла, связанных с обслуживанием испанского населения, оставили 5 тыс. человек китайской национальности [19, с. 438—439]. Поскольку испанское население было сконцентрировано в Маниле, китайцев переселили из провинций в районы, примыкающие к столице.

Естественно, что розничной торговлей в Маниле стали заниматься сами испанцы (до этого в Париане было до 15 тыс.

⁵ В 1606 г. в официальном отчете Королевской аудиенции чиновник таможи сообщал о прибытии 6533 китайцев на пяти судах [11, т. XIV, с. 1].

⁶ На экономической деятельности местного населения в этот период мы здесь не останавливаемся. Читатель найдет интересующий его материал в книге О. Г. Барышниковой «Сельское хозяйство Филиппин (генезис и развитие капитализма)» (М., 1972).

китайских торговцев), но они не смогли полностью заменить китайских торговцев: образовавшийся вакуум стали заполнять на периферии китайские метисы [17, с. 208].

Резко враждебную позицию по отношению к китайцам занимал губернатор Симон Анда-и-Саласар (1770—1776); в результате его рестрикционной политики китайская община в Маниле едва насчитывала 1,5 тыс. человек, из которых 1,2 тыс. были христианами.

Во второй период истории китайской общины на Филиппинах (середина XVIII — середина XIX в.) местные жители имели немногочисленные непосредственные контакты с китайцами, поскольку последние селились лишь вокруг тех нескольких городов, где имелось испанское население, в основном в Маниле, а также в городах на северо-западе и юго-востоке Лусона и на о-вах Себу и Панай. По данным Томаса де Комина, в 1810 г. на Филиппинах осталось всего 7 тыс. китайцев, а численность китайских метисов составляла 119 719 человек (а два десятилетия назад, в 1791 г., их насчитывалось 66 917 человек) [15, с. 351]. Это говорит о том, что дискриминация со стороны колониальных властей по отношению к китайскому населению способствовала ассимиляции китайцев в филиппинском обществе. Экономические интересы даже тех филиппинцев, которые обитали вблизи испанских поселений, не сталкивались с интересами китайцев, поскольку последние были заняты в новых для местного населения хозяйственных отраслях. Проблемы, связанные непосредственно с взаимоотношением коренного населения и китайцев, возникли лишь со второй половины XIX в., в период генезиса капитализма.

Таким образом, во второй период хозяйственная деятельность китайской общины на Филиппинах в значительной степени прекратилась, а сама община сократилась до минимума, границы ее расселения на архипелаге были сужены в основном пределами Манилы. Небывалое развитие получает деловая активность китайских метисов, которые в последующем выступают основными конкурентами китайской буржуазии на Филиппинах.

Третий период истории деятельности китайского населения на Филиппинах начался с середины 50-х годов XIX в. и продолжался до конца испанского господства на островах, прекратившегося в результате антиколониальной революции филиппинского народа 1896—1898 гг. Последний период был наиболее важным как с точки зрения возрождения китайской общины на новой экономической основе, так и влияния ее деятельности на развитие внутреннего рынка и капиталистических отношений.

Формирование китайского капитала на Филиппинах с середины XIX в. связано с экономической деятельностью китайских иммигрантов. Особенностью китайского капитала являлось то,

что процесс его накопления проходил непосредственно на Филиппинах. Развитие деятельности китайской буржуазии было тесно связано с экспансией в страну европейского и американского капитала. Огромное влияние на формирование китайского капитала и изменение его функций стала оказывать система монопольных откупов, введенная испанскими колониальными властями. Основной новой функцией хозяйственной деятельности китайского торгового капитала стало посредничество. Возникновение и преобладание этой функции связано с расширением экспансии иностранного торгового капитала на Филиппины. Отсутствие условий для накопления капиталов местной буржуазией и невысокая конкурентоспособность нарождающейся «метисной» буржуазии создали в этой сфере экономической деятельности вакуум, который быстро заполнялся китайским торговым капиталом. Таким образом было положено начало для становления крупного торгового капитала, принадлежавшего лицам китайской национальности. Отныне посредничество стало главной функцией китайского крупного торгового капитала. Экспансия иностранного капитала на Филиппины способствовала усилению товаризации земледелия, а она, в свою очередь, вела к росту посредничества. Здесь, однако, важно отметить, что развитие торгового земледелия на Филиппинах в этот период не привело к сколько-нибудь значительной концентрации производства (за исключением разве производства сахара: во второй половине XIX в. появились крупные хозяйства, основанные как крупными землевладельцами — метисами, так и иностранными фирмами).

Новые стимулы внедрения китайского капитала в экономику Филиппин и расширения иммиграции китайцев на архипелаге дало начавшееся с середины XIX в. быстрое развитие торгового земледелия — производство сельскохозяйственной продукции для внешнего рынка, которое заставило испанскую администрацию коренным образом изменить иммиграционную политику в отношении китайцев, отменив ограничения на их въезд в колонию и передвижение на ее территории. Поощрение испанскими властями китайской иммиграции и благоприятная экономическая обстановка привели к увеличению китайского населения на Филиппинах за 50—80-е годы XIX в. с 8 тыс. до 100 тыс. человек. В канун антииспанского восстания китайское население исчислялось, по данным командира броненосца «Император Николай I» Фолькердама, в 175 тыс. человек, китайских метисов было 360 тыс. человек⁷. Если в середине века более 9/10 китайцев были сосредоточены в Маниле, то к концу сто-

⁷ Записка командира броненосца «Император Николай I» капитана 1-го ранга Фолькердама (?) начальнику эскадры на Тихом океане о положении на Филиппинах осенью 1896 г. Не позднее 15 (27) ноября 1896 г. [6а, ф. 311, оп. 1, д. 11, л. 1].

летия 1/5 уже обосновалась в провинции, в местах сосредоточения производства сельскохозяйственной экспортной продукции: абаки (Юго-Восточный Лусон и Восточно-Висайские острова), сахара (Западно-Висайские острова), табака (Северо-Восточный Лусон)⁸.

Главным занятием китайцев становится посредничество между местными производителями сельскохозяйственных продуктов и экспортерами — европейскими и американскими фирмами, а также оптовая и розничная торговля импортными товарами в провинциях и частично в городских центрах. Стали они проникать и в каботажную торговлю, а иногда заниматься производством сельскохозяйственной продукции на экспорт, успешно конкурируя здесь с китайскими метисами, и создавать экспортно-импортные фирмы в Маниле. Обращение китайцев к земледелию имело своим результатом распространение на Филиппинах китайского плуга, китайцы же ввели в колонии и первые примитивные установки для переработки сахарного тростника.

Укреплению позиций китайского капитала в сфере внутренней торговли способствовали покупка у колониальной администрации государственных монополий. Система монопольных откупов оказалась чрезвычайно прибыльным делом (наиболее выгодной была на продажу опиума). Не менее прибыльным было и брокерство при поставках китайских рабочих — кули [42, с. 279—285]. Китайские рабочие составляли в конце XIX в. около 10% всего китайского населения и были сосредоточены в трех портовых городах — Маниле (здесь было 8—10 тыс. кули), Себу, Илоило. Они работали портовыми грузчиками и складскими рабочими на предприятиях крупных иностранных фирм [42, с. 284]. В частности, их использовали на строительстве Манильско-Дагупанской железной дороги, которое вела английская компания. Китайцы в этот период выступают и как наемные рабочие, занятые постоянно [20, с. 119]. В связи с тем что во второй половине XIX в. в колонии начал активизироваться иностранный (не испанский) капитал, а рынок рабочей силы еще не сложился, проблема осуществления разного рода строительства и обеспечения работы капиталистических пред-

⁸ В «Дневнике» Натаниэля Баудича, американского купца, побывавшего на Филиппинах с торговыми целями в 1796 и 1800 гг., раскрывается роль китайцев в развитии торговли сахаром на Филиппинах в этот ранний период возникновения торгового земледелия. Из заметок Баудича становится очевидным, что манильские китайцы с самого начала стали проникать в экспортную торговлю как посредники между местными производителями и иностранными экспортерами. Почти вся торговля сахаром велась через их посредничество [18]. В значительной степени китайские метисы продолжали играть посредническую роль в экспортной торговле сахаром на Висайских островах [18, с. 20—21, 32]. Однако вопрос о том, участвовали ли китайские предприниматели в производстве сахара в значительных масштабах, остается до сих пор не выясненным.

приятый была острой. Поэтому иностранные торговые дома, в частности четыре таких дома в порту Илоило, а также отдельные брокеры занимались полулегальной перевозкой на архипелаг китайских кули. В 1886—1900 гг. из порта Амой отплывало на Филиппины в среднем по 8—10 тыс. человек в год [20, с. 401; 38, с. 15].

Китайский капитал внедряется не только в оптовую и розничную торговлю, но также в экспорт и ремесло. Он успешно конкурирует с испанским капиталом и капиталом метисной буржуазии, значительно потеснив позиции последних [21, с. 148]. Китайскому торговому капиталу удалось сломить английскую монополию во внешней торговле Филиппин; испанцы в те времена говорили: «В торговом отношении Филиппины стали англо-китайской колонией с испанским флагом» [35, с. 110; 42, с. 280].

Именно в этот период утверждались новые организационные формы хозяйственной деятельности китайского капитала: крупные китайские экспортно-импортные оптовые фирмы, расположенные в Маниле или других портовых городах, налаживают в провинциях широкую сеть агентов-посредников, которые выступали, с одной стороны, как розничные торговцы товарами, присылаемыми оптовиком (обычно в кредит), а с другой — как скупщики сельскохозяйственной продукции в районе для головной фирмы. Создание сети агентов-скупщиков диктовалось мелким распыленным производством сельскохозяйственной продукции, предназначенной на экспорт. Но для Филиппин эта система имела глубокие и далеко идущие последствия. Она отстранила от рынка непосредственного производителя — мелкого крестьянина, полностью подчинив его агенту-скупщику. Более того, обретая функции розничных торговцев, агенты-посредники рвали и обратную связь крестьян с рынком, на котором крестьянин выступал как покупатель готовых изделий. Скупщики контролировали ремесло, способствуя превращению его в работу на дому.

Весьма разветвленная система, связывающая крупных оптовиков и мелких производителей через агентов-посредников, выступающих и в роли ростовщика, охватила постепенно весь архипелаг. Она оказалась настолько жизнеспособной, что продолжала с успехом действовать, несмотря на смену трех политических режимов: начав развиваться при испанцах, она сохранилась при американском колониальном режиме и после достижения независимости. Интересно отметить, что в настоящее время эту систему широко использует не только китайский, но и местный капитал.

Китайский торговый капитал помимо своей основной посреднической деятельности участвовал в торговле местной продукцией, частично своего собственного производства, на местном рынке. Так, очистка и продажа риса постепенно стали моно-

полей китайской буржуазии. Китайцы — владельцы рисовых мельниц одновременно занимались ростовщичеством, как и лавочники — владельцы «сари-сари» [42, с. 283]. По данным Г. Коллиса, в первой четверти XX в. доля китайского капитала в очистке риса уже составляла 75% [12, с. 30; 42, с. 282]. Китайский капитал стал господствовать в импорте риса (с 1870 г. Филиппины импортировали рис).

Проникновение китайского капитала во все экономические поры испанской колонии вызывало недовольство метисской и отчасти коренной филиппинской буржуазии, так как затрагивало их интересы. Экономические факторы, оттеснив религиозное и культурное предубеждение, распространенное в отношении китайского населения, становятся господствующими для сохранения в определенных заинтересованных кругах филиппинского общества антикитаизма. Отметим, что впоследствии именно эти факторы по мере расширения сферы экономической деятельности китайского капитала как вглубь, так и вширь станут преобладающими мотивами антикитайских настроений у группы коренной буржуазии.

Китайская буржуазия, к концу XIX в. уже сосредоточившая в своих руках значительные капиталы, пыталась защитить свои интересы с помощью Китая. Однако испанская администрация решительно отвергла ее просьбу, поддержанную Китаем, об установлении на архипелаге китайских консульств [42, с. 285].

Экономическая депрессия 80-х годов усилила антикитайские настроения филиппинской коренной и метисской буржуазии. Испанская администрация в целях ограничения активности китайских иммигрантов, обосновавшихся на Филиппинах, использовала налоговую систему. Так, с 1614 по 1790 г. они должны были выкупать довольно высокой стоимости лицензию на право проживания в испанской колонии (*radicación*), которую устанавливал сам губернатор. С 1790 г. был введен подушный налог (6 дуэро или 6 песо фуэртес в год)⁹. В 1828 г. его ставки были значительно повышены. Трудоспособное китайское население было разделено на три класса: крупные купцы, платившие подушный налог в 10 песо фуэртес в месяц, мелкие купцы — по 4 и ремесленники — по 2 песо фуэртес. Не уплативших налог в течение трех месяцев посылали поденщиками в асьенды, хозяева которых вносили за них налог, а им выплачивали заработную плату (2 серебряных реалей, или 1/4 песо) и давали порцию риса в день. Большое число китайских иммигрантов-бедняков были не в состоянии платить даже 2 песо, поэтому властям пришлось установить дополнительно четвертый класс для некоторых категорий ремесленников и поденщиков (по 1 песо в месяц). К 1831 г. был составлен список налогоплательщиков-ки-

⁹ 1 дуэро или 1 песо фуэрте был равен 8 реалем фуэртес (серебряных).

тайцев; по нему числилось 5708 налогоплательщиков, из них 7 были причислены к первому классу, 166 — к второму, 4509 — к третьему и 830 — к четвертому классу. Вскоре из списка 196 человек были исключены по старости. Многие иммигранты были не в состоянии платить налоги; 800 человек решили вернуться на родину, 1083 — бежали в горы, а 453, не имея средств, чтобы вернуться домой, были посланы на общественные работы для отработки налога. В связи с этим испанская колониальная администрация была вынуждена в 1834 г. снизить подушный налог до прежнего уровня.

С 1828 г. для китайцев вводился специальный налог: они обязаны были приобретать лицензии на право быть занятыми в промышленном производстве. Чтобы поощрить китайцев заниматься сельским хозяйством, испанская администрация ввела новые, более низкие ставки подушного налога пятого и шестого классов: по 1,5 песо (или 12 реалей) с одного человека для китайцев, работавших на плантациях сахарного тростника, индиги, абакки на о-вах Лусон и Висай, и по 5 реалей для занятых в удаленных районах. В 1862 г. ставки пятого и шестого классов были снижены соответственно до 3 и 2 реалей. Китайские иммигранты, выращивавшие табак для государственной табачной монополии, специальным указом освобождались от налога на пять лет, затем этот указ был распространен на занятых в рыболовстве, на лесорубках, в горном деле, судостроении и ряде других отраслей хозяйства.

Несмотря на привилегии, предоставляемые китайцам, занятым в промышленности и сельском хозяйстве, большинство их предпочитало участвовать в чрезвычайно прибыльной торговле, поэтому китайское население на Филиппинах до 1890 г. в основном платило налог в 6 песо в год, введенный в 1790 г.

В 1890 г. был обнародован королевский декрет, по которому каждый китаец независимо от возраста, пола или рода занятий получал шедулу, или удостоверение личности (*cedula de capitacion personal*)¹⁰. Устанавливалось восемь классов шедул в зависимости от размера прямых налогов, уплачиваемых ее владельцем. Общая сумма налогообложения на основании шедулы (включая дополнительные подоходные налоги) составляла: для первого класса — 48,9 песо в год, для второго — 40,75, для третьего — 32,60, для четвертого — 24,45 песо и т. д. От уплаты налогов освобождались дети до 14 лет и неспособные физически работать.

В 1878 г. специальным декретом был введен «промышленный» налог на доходы всех жителей. Если начиная с 1828 г. китайские купцы и промышленники должны были приобретать или ежегодно продлевать лицензии на промышленно-торговую

¹⁰ Для местных жителей и метисов шедулярная система налогообложения была установлена с 1884 г. До этого их облагали трибуто (подушным налогом).

деятельность по ставкам 100, 60, 30 и 12 песо (в зависимости от характера предприятия), то в соответствии с «промышленным» налогом (который, по существу, заменил практику ежегодного продления лицензий) были введены две новые крупные ставки в 300 и 200 песо. Структура подоходного налогообложения быстро усложнялась, и к 1890 г. действовало уже около 400 ставок [32, с. 80—116].

Социально-экономическое положение китайского населения в американский колониальный период

Если при испанском режиме феодальный строй препятствовал всестороннему развитию экономической деятельности китайцев (запрещение селиться вне Манилы, установление ограничений на передвижения, высокие налоги, гонения и высылка из страны), то усиленная эксплуатация природных и людских ресурсов колонии американским империализмом и создание им на Филиппинах экономики колониального типа стимулировали хозяйственную деятельность китайской общины. К началу XX в., когда произошла смена колонизаторов на Филиппинах (в 1898 г. по Парижскому мирному договору Филиппинские острова перешли от Испании к США), китайский капитал традиционно либо реинвестировался в торговлю в самой колонии, либо переводился в Китай, либо, наконец, временно накапливался на случай непредвиденного возвращения в Китай [13, с. 30].

Американские колонизаторы превратили Филиппины в поставщика сельскохозяйственного и минерального сырья, а также в рынок сбыта своих товаров и сферу приложения капитала. Развивалась только первичная переработка экспортного сырья. Американские монополии, действующие на Филиппинах, сохранили всю сложную структуру посредничества, установленную в испанские времена, используя китайские фирмы как младших партнеров. Однако антииспанская борьба филиппинского народа в конце столетия и события, связанные с колонизацией архипелага Соединенными Штатами Америки, вызвали массовый отъезд китайцев с островов.

Как только американцы захватили Манилу (начало августа 1898 г.), военная администрация под давлением определенных кругов местного населения применила в отношении китайцев американский закон, направленный против иммиграции китайцев в США и ее колонии [21, с. 157]. В 1902 г. американский конгресс принял закон, одобряющий политику генерала Отиса¹¹

¹¹ Генерал Отис назначен 25 августа 1898 г. главнокомандующим сухопутными силами американцев на Филиппинах. 26 сентября того же года он издал приказ, согласно которому «законы Соединенных Штатов, запрещающие въезд китайцев, распространяются на Филиппины» [33, с. 67].

по отношению к китайскому населению на Филиппинах. Данные переписи 1903 г. показывают, что в это время на Филиппинах осталось всего 41 тыс. иностранцев китайского происхождения (0,59% всего населения страны), или в 2 раза меньше, чем в 1885—1895 гг. [1, с. 28; 34, с. 569—581], причем на 40 518 мужчин приходилось всего 517 женщин [22, с. 25].

Удельный вес наемных рабочих среди китайцев продолжал оставаться сравнительно невысоким — на уровне 10—12%; они трудились в механических мастерских, на судоверфях, лесопильных и погрузо-разгрузочных работах [38, с. 105—106]. Характерной особенностью состава лиц наемного труда стало преобладание квалифицированных рабочих.

Несмотря на иммиграционные ограничения, китайская община на Филиппинах после окончания военных действий стала вновь расти. В 1909 г. на архипелаге уже было 120 тыс. китайцев, прибывших главным образом нелегально через южные районы страны — Сулу и Минданао — или крайний север Лусона [34, с. 625].

Численность китайских иммигрантов до 20-х годов нынешнего века практически оставалась на прежнем уровне (менее 1% всего населения Филиппин), причинами чего были как усиление оппозиции к ним со стороны колониальной администрации, так и завершение формирования национального рынка рабочей силы. Естественный прирост был ничтожно малым, поскольку, как и прежде, 90—95% иммигрантов составляли мужчины [1, с. 28]. Это, с одной стороны, вынуждало китайцев к ассимиляции в филиппинском обществе, с другой — говорило о кратковременности иммиграции. Последнее подтверждается статистикой 20-х годов, когда усилившаяся иммиграция составила ежегодно до 14—17 тыс. человек, но реиммиграция достигала 13—14 тыс. [1, с. 28]. Тем не менее за счет превышения первой численность китайцев неуклонно росла: за 1914—1928 гг. из 195,25 тыс. приехавших на Филиппины покинули страну 163,95 тыс., т. е. чистый прирост составил 31,3 тыс. человек [1, с. 26; 25, с. 236]. Китайских же метисов к концу этого периода насчитывалось уже до 500 тыс. [25, с. 236].

Расширение экономической деятельности китайской буржуазии поощрялось американскими колониальными властями, которые умело использовали противоречия внутри различных групп местной буржуазии из коренной национальности, метисов и хуацяо (китайцев), по существу не ограждая китайскую буржуазию от ударов растущего в колонии национализма и тем самым отводя его от американского монополистического капитала, приступившего к хищнической эксплуатации Филиппин. Колониальным властям объективно было выгодно, когда национализм направлялся в антикитайское русло. В этот период традиционная неприязнь к китайцам со стороны имущих слоев филиппинского общества начала раздуваться его обуржуазивши-

мися представителями в связи с новым явлением — перенасыщением рынка рабочей силы. Для Филиппин уже стала характерной хроническая безработица из-за уродливого однобокого развития колониальной экономики.

Перед второй мировой войной американский капитал прочно внедрился в филиппинскую экономику, контролируя основные отрасли промышленного производства — горнодобывающую промышленность, энергетику, лесопильную, ряд отраслей обрабатывающей промышленности и т. д. (все активы предприятий составляли 315,1 млн. песо). Китайский капитал, как и прежде, преобладал в торговле и в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности: из 179,9 млн. песо, составлявших активы всех китайских предприятий (исключая сельское хозяйство) в 1938 г., 149,5 млн. были вложены в торговлю и 26,4 млн. — в обрабатывающую промышленность [22, с. 31].

Экономическая деятельность китайской буржуазии стала объектом проявления «экономического национализма» со стороны определенной группы филиппинского общества, представителей так называемого среднего класса¹². Китайские предприниматели (хотя нередко они были частью местной буржуазии) для этих слоев были серьезными конкурентами, с которыми они имели возможность как-то бороться. Естественно, что права американского капитала надежно охранялись колониальным аппаратом и против него все выступления нарождающейся местной буржуазии были бессильны.

В связи с проявлением буржуазного национализма со стороны представителей одной угнетенной нации к представителям другой можно напомнить, что в это же самое время филиппинское рабочее движение шло по пути классовой межнациональной солидарности. В 1929 г. впервые на Филиппинах был проведен «вечер классового единства» с участием крупнейшей прогрессивной профсоюзной организации — Рабочего конгресса Филиппин, а также Крестьянской конфедерации и Ассоциации китайских рабочих. Эти объединения имели тесные контакты между собой [2, с. 126; 5, с. 23]. В том же году состоялась забастовка китайских обувщиков, которая была поддержана филиппинскими рабочими. Она охватила 27 фабрик и продолжалась четыре месяца. Международный журнал «Красный интернационал профсоюзов» уже в то время отмечал как характерное явление для Филиппин отсутствие национальной розни между филиппинскими и китайскими рабочими, их единство в борьбе против эксплуататоров [4, с. 269]. Это единство сохранялось и в 30-х годах, когда государство создало соглашатель-

¹² Например, выборочный опрос в 1931—1932 гг. молодого поколения из «среднего класса» (2286 студентов и преподавателей) показал, что при ответе на вопрос, кого из иностранцев они хотят видеть изгнанными из страны, на первое место были поставлены китайцы и японцы [39, с. 198—207].

ское профсоюзное объединение, начавшее проповедовать «национализацию рабочей силы» или изгнание с предприятий рабочих-нефилиппинцев.

Филиппинские китайцы поддерживали и национально-освободительную борьбу китайского народа [40, с. 160—183]. В конце 30-х годов они вместе с китайцами Гонконга и Аннама сформировали вспомогательный корпус и предложили его в распоряжение китайского правительства. Филиппинские китайцы провели кампанию по сбору средств на приобретение для Китая эскадрильи самолетов; китайскому правительству были переданы 50 самолетов. Кроме того, каждый филиппинский китаец внес в среднем по 130 долл. в фонд обороны и помощи Китаю в 1937—1938 гг. [3, с. 82].

В 1932 г. американские власти закрывали для иммиграции все порты страны, кроме Манилы, но вскоре генерал-губернатор Филиппин Т. Рузвельт вынужден был отменить этот запрет [31, с. 175]. В 1930—1940 гг. на Филиппины прибыло 54,1 тыс. иммигрантов [43, с. 17, 231—233]. По переписи 1939 г., на Филиппинах было зарегистрировано 117,5 тыс. иностранцев — граждан Китая, в том числе 46,2 тыс. проживало в Маниле, 6,1 тыс. — в провинции Себу, 5,4 тыс. — в Рисале, 4,2 тыс. — в Самбоанге и 4,1 тыс. — в провинции Кесон, более мелкие общины — в других провинциях [43, с. 17]. Численность нелегально прибывших неизвестна, но, по-видимому, была незначительной.

К этому времени большую роль начал играть естественный прирост лиц китайской национальности, половой состав которых существенно изменился. Они прочно оседали на архипелаге со своими семьями и вращались в экономическую жизнь страны. «Филиппинцы, — писал американский ученый Б. Ласкер, — вступают в эру, требующую создания среднего класса. Эту функцию, как и в других частях Малайзии (здесь — Малайской Азии. — Авт.), превосходно выполняют китайцы» [25, с. 235]. В 1940 г. автономное правительство Филиппин рассмотрело законопроект об ограничении на въезд в страну до 1 тыс. человек каждой национальности в год. Но Национальная ассамблея в том же году сократила квоту до 500 человек [31, с. 184—186; 14, с. 54] (закон об иммиграции № 613 был принят в мае 1940 г.). Квотную систему поддержал и президент «автономных» Филиппин М. Кесон, годом раньше выступавший против всяких иммиграционных барьеров.

Литература

1. «Вестник Маньчжурии». Харбин, 1929, № 6.
2. Губер А. Филиппины. М., 1937.
3. «Коммунистический интернационал». [М.], 1940, № 1.

4. Красный интернационал профсоюзов. Мировой кризис. Положение и ставечная борьба. М., 1930.
5. «Международное рабочее движение». М., 1930, № 8.
6. Симония Н. А. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959.
- 6а. Центральный государственный архив военно-морского флота.
7. Abella D. Koxinga Nearly Ended Spanish Rule in the Philippines in 1662, 4-th International Conference on Asian History. Kuala Lumpur, 1968.
8. Araneta S. The Jus Soli. The Solution to the Chinese Problem.—Fookien Times Yearbook, 1970. Manila, 1970.
9. Barrows D. P. History of the Philippines. N. Y., 1924.
10. Beyer H. O., Vera J. C. de. Philippine Saga. Manila, 1952.
11. Blair E. and Robertson J. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. I—LV. Cleveland (Ohio), 1903—1907.
12. Callis H. G. Capital Investment in South-Eastern Asian and the Philippines.—«American Academy of Political and Social Sciences Annals». CCXXVI (March 1943).
13. Carrol J. J. The Filipino Manufacturing Entrepreneur. Ithaca, 1965.
14. Castillo A. Philippine Economics. Manila, 1957.
15. Comyn T. de. Estado de las Islas Filipinas en 1810. Manila, 1820 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. XXVIII].
16. Craig A. Thousand Years of Philippine History Before the Coming of the Spaniards. Manila, 1914.
17. Diaz-Trechuelo M. L. The Economic Development of the Philippine in the Second Half of the Eighteenth Century.—«Philippine Studies». 1963, vol. XI, № 2.
18. Early American-Philippine Trade. The Journal of Nathaniel Bouditch in Manila, 1796. Edited and with an Introduction by T. R. McHale and M. C. McHale. New Haven, 1962.
19. Elliot C. B. The Philippines. To the End of the Military Regime. Indianapolis, 1916.
20. Foreman I. The Philippine Islands. N. Y., 1899.
21. Ginsburg P. The Chinese in the Philippine Revolution.—«Asian Studies». Manila, 1970, vol. 8, № 1.
22. Golay F., Anspach R., Pfanner M., Ayala E. Underdevelopment and Economic Nationalism in Southeast Asia. Ithaca—London, 1969.
23. Hirth F., Rockhill W. Chau Ju Kua. SPb., 1911.
24. Kungs S. W. Chinese in American Life. Wash., 1962.
25. Lasker B. Filipino Immigration to the Continental United States and the Hawaii. Chicago, 1941.
26. Letter from Francisco Tello to Felipe II. Manila, 1597, June 19 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VIII].
27. Letter from Santiago de Vera to Felipe II [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VII].
28. Memorial to the King by Juan Grao y Monfalcon in the Year 1635 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. XXV].
29. Mendoza J. G. de. History of the Great Kingdom of China. Madrid, 1586 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VI].
30. Phelan L. J. The Hispanization of the Philippines. Spanish Aims and Filipino Responses. 1665—1700. Madison, 1959.
31. «Philippine Historical Review». Manila, 1965, vol. I, № 1.
32. Plehn C. C. Taxation in the Philippines. USA, 1867 (перепечатка в «The Philippines Social Science Review». 1941, vol. 13, № 1).
33. Pomeroy W. J. American Neo-Colonialism. The Emergence in the Philippines and Asia. N. Y., 1971.
34. Purcell V. The Chinese in Southeast Asia. London—New York—Toronto, 1951.
35. Recur C. Filipinas, Estudios Administrativos y Comerciales. Madrid, 1879.
36. Salazar [D. de]. Bishop of Manila. Relations of the Philippine Islands

- [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). vol. VII].
37. Salazar D. de. The Chinese and the Parian at Manila, 1590 [E. Blair and J. Robertson. The Philippine Islands (1493—1898). Vol. VII].
 38. Ta Chen. Chinese Migration with Special Reference to Labor Conditions. Wash., 1923.
 39. Tan A. L. A Survey of Studies on Anti-Sinoism in the Philippines.— «Asian Studies». Manila, 1968, vol. 6, № 2.
 40. Tan A. S. The Chinese in the Philippines and the Chinese Revolution of 1911.— «Asian Studies». Manila, 1970, vol. 8, № 1.
 41. Taylor J. M. The Philippine Insurrection Against the United States. Vol. I. Pasay City. Philippines, 1971.
 42. Wickberg E. The Early Chinese Economic Influence in the Philippines 1850—1898. Lawrence (Cans.), 1962.
 43. Yearbook of the Philippine Statistics, 1946. Manila, 1947.
 44. Zaide G. Philippine Political and Cultural History. Vol. I. Manila, 1950.